

Лян Цю больше не настаивал на том, чтобы самому забирать Гу Чжи, однако раз за разом повторял Шэнь Няню: что бы ни случилось, тот обязан сразу же дать ему знать. А уж он примчится на помощь в ту же секунду. Шэнь Нянь принял эту искреннюю заботу с глубокой благодарностью, навсегда сохранив её в сердце.

С уходом Лян Цю между Шэнь Нянем и Гу Чжи установилось хрупкое перемирие. Они почти не разговаривали и не устраивали ссор, но оба прекрасно понимали: эта тишина — лишь иллюзия. Шэнь Нянь помнил слова Гу Чжи о том, что тот затевает какую-то крупную дрянь, и знал, что тот не бросает слов на ветер. Вот только прочесть чужие мысли он не мог, а потому понятия не имел, что именно тот замышляет и когда перейдёт к действиям.

Осень выдалась необычайно сухой — за всё время не выпало ни единой капли дождя. Шэнь Чуншань всё так же пропадал на работе и не появлялся дома уже трое суток. Перед отъездом он обронил, что отправляется в дальний рейс. Когда отец сообщал об этом, досада Гу Чжи была видна невооружённым глазом. Шэнь Чуншань долго утихомиривал любимчика, изнывая от жалости, что не сможет сам отвезти его в школу и мальчику придётся вставать на полчаса раньше, чтобы ехать на багажнике велосипеда Шэнь Няня. О том же, что самому Шэнь Няню из-за этого тоже приходится подниматься ни свет ни заря, отец даже не вспомнил.

Но как бы Шэнь Чуншань ни ласкал мальчишку, после его отъезда Гу Чжи с каждым днём становился всё более дёрганым и раздражительным. Шэнь Нянь чувствовал: тот постепенно теряет контроль над собой. Лишившись возможности ежедневно видеть отца, Гу Чжи не мог убедиться, что Чуншань по-прежнему замечает только его и любит так же пылко, как раньше.

Он дергался и паниковал, до смерти боясь, что Шэнь Чуншань бросит его или охладее. И хотя они ежедневно подолгу говорили по телефону, эти разговоры не приносили ему облегчения. Пока Гу Чжи не увидит отца своими глазами, пока не уверится, что всё остаётся по-прежнему, он не успокоится.

На третью ночь после отъезда отца внезапно разразилась гроза. Грохот грома вырвал Шэнь Няня из сна. Он поднялся, чтобы закрыть окно, но не успел дойти обратно до кровати, как дверь в комнату распахнулась от трескающего удара. Она с размаху врезалась в стену — да так гулко, что этот звук перекрыл раскаты за окном, окончательно разогнав остатки сна.

Шэнь Нянь так и замер, наблюдая, как в комнату влетел Гу Чжи и снова юркнул под его кровать.

Постояв немного, Шэнь Нянь тихо вздохнул и прикрыл дверь.

Выставлять Гу Чжи не хотелось: в таком состоянии тот поднял бы шум, так что оставить его под кроватью было куда проще, чем ввязываться в полуночную грызню. «Пусть сидит. Подумаешь, большая крыса под кроватью завелась, мне-то что».

Но стоит Шэнь Няню присесть на край, собираясь снова лечь, как снизу вытянулась рука и опять вцепилась в него. На этот раз Шэнь Нянь был без длинных штанов, и пальцы Гу Чжи

сжали его голень. Помолчав пару секунд, Шэнь Нянь решительно выдернул ногу и лёг.

То, что он позволил ему остаться под кроватью, уже было пределом его уступок.

Неадекватное поведение Гу Чжи и его панический страх перед грозой наводили на мысль, что в прошлом тот пережил нечто ужасное. Наверняка у него осталась глубокая психологическая травма, иначе он не вел бы себя так дико. Но это не давало ему права вытворять подобные вещи с Шэнь Нянем. Чужие страдания Шэнь Нянь нести не нанимался — у него не было для этого ни причин, ни малейшего желания.

Дождь за окном расходился всё сильнее. Шэнь Нянь уже начал погружаться в дремоту, когда из-под кровати донеслись глухие, подавленные всхлипы. Он не шевельнулся и не издал ни звука. Просто лежал с открытыми глазами, глядя в темнеющее окно, пока не стих ливень и не умолк плач.

Едва затеплился рассвет, снизу раздался шорох. Гу Чжи выбрался наружу и на цыпочках выскользнул из комнаты, бережно притворив за собой дверь. Шэнь Нянь долго смотрел на закрытую дверь, а потом медленно прикрыл глаза. В воскресенье в школу идти не нужно — можно ещё поспать.

Обычно после грозовых ночей Гу Чжи затихал на весь день. Так вышло и в этот раз. Даже когда Шэнь Нянь проснулся только к полудню, тот его не беспокоил. Шэнь Нянь приготовил нехитрый обед, пожарив яйца — еду, которую Гу Чжи терпеть не мог. Но тот не обронил ни слова и, сочтя голод лучшим аргументом, умял приличную порцию. За весь день они едва перебросились парой фраз, и Шэнь Нянь наслаждался редким покоем.

Вечером, выходя из ванной, Шэнь Нянь уперся взглядом в Гу Чжи: тот сидел на корточках у дверей северной комнаты и гипнотизировал дворик.

— Когда он уже вернётся? — спросил Гу Чжи, обернувшись на шум.

Шэнь Нянь лишь промолчал. Он и сам не знал ответа — ведь не он раздавал звонки отцу каждый день.

Позже, глубокой ночью, идя в уборную, Шэнь Нянь заметил свет у ворот. Дверь была отперта настежь, а Гу Чжи сидел прямо на пороге, уставившись в темноту переулка. Он ждал Шэнь Чуншаня.

В ночной тишине шаги Шэнь Няня прозвучали отчетливо. Гу Чжи повернул голову — при тусклом свете лампы его лицо выглядело измождённым и мрачным. Шэнь Нянь помедлил, подумал, не сказать ли что-нибудь, но так и не нашел нужных слов и молча вернулся к себе. Часы в гостиной показывали три часа ночи.

Утром Гу Чжи тоже поднялся — а может, и вовсе не смыкал глаз. Выглядел он скверно.

Шэнь Нянь заколебался, но всё же произнёс:

— Если плохо себя чувствуешь, я могу отпросить тебя у учителя.

Гу Чжи ничего не ответил. Шэнь Нянь настаивать не стал.

Беда случилась прямо на полпути. На перекрестке сзади велосипеда с треском отломилась одна из стоек багажника. Гу Чжи, не успев зацепиться, тяжело рухнул прямо на проезжую часть. Потоки машин ждали зелёного сигнала, так что под колеса авто он не попал, зато шедший следом мотоцикл затормозить не успел. Всадник вильнул в сторону, пытаясь уйти от удара, но колесо всё равно проехало прямо по руке Гу Чжи.

Всё произошло мгновенно. Шэнь Нянь потерял равновесие от резкого смещения веса и вылетел из седла. Но когда он увидел неподвижно лежащего Гу Чжи, его охватил липкий ужас. Он даже не помнил, как поднялся на ноги и подбежал.

Гу Чжи был блее мела, дыхание еле прослушивалось. Шэнь Нянь окликнул его пару раз, но прикоснуться боялся.

Вокруг мигом собралась толпа. Кто-то вызвал скорую, кто-то вызвался отвезти пострадавшего в больницу на своей машине. Шэнь Нянь не слышал этих голосов, в голове царил хаос. Как бы он ни презирал Гу Чжи, он никогда не желал ему смерти.

Не дожидаясь кареты скорой помощи, один из прохожих отвез их в приемный покой. Шэнь Нянь даже не помнил, поблагодарил ли его. Всё прояснилось только тогда, когда медсестра потребовала оплату, а у него не оказалось денег. Раньше отец давал ему достаточно, но с появлением Гу Чжи ограничил всё редкими грошами на карманные расходы, да и те остались дома.

Понимая, что отец быстро не приедет, Шэнь Нянь позвонил Лян Цю на мобильный — тот иногда тайно носил телефон в школу.

Лян Цю только подъезжал к воротам:

— Кто это?

— Это я, Шэнь Нянь.

После разговора с Лян Цю от сердца немного отлегло. Шэнь Нянь перевёл дыхание, попросил у медсестры разрешения и набрал номер отца. Скрыть случившееся было невозможно.

Лян Цю примчался вместе с матерью, Тётушкой Су. Она успокоила Шэнь Няня, заставила сына остаться с ним, а сама забрала направления и пошла к кассе.

Лян Цю похлопал друга по плечу:

— Всё в порядке, я с тобой.

Шэнь Нянь молчал. Лян Цю решил, что тот просто в шоке — всё-таки четырнадцатилетнему подростку свалилось на голову слишком много.

— Не бери в голову, — успокаивал Лян Цю. — Как говорится, сорняк в огороде не завянет. Этот маленький извращенец выкарабкается, вот увидишь...

Он осекся на полуслове. На полу у ног Шэнь Няня расплывалась алая капля.

Лян Цю обомлел, быстро опустился перед ним на корточки и принялся судорожно осматривать:

— Говорили же, что пострадал только этот мелкий! Ты-то где окровавлен?! Куда тебя ранило? Почему молчишь?!

Он осторожно подхватил руку Шэнь Няня и перевернул ладонью вверх. Ладонь представляла собой сплошное кровавое месиво — кожа содрана, в рану забился песок и мелкие камни. Как Шэнь Нянь умудрялся терпеть такую адскую боль и не издать ни звука, оставалось загадкой.

— Я в норме, — тихо ухмыльнулся Шэнь Нянь, почувствовав, как онемевшая ладонь начинает пульсировать болью.

— Да какая тут норма?! Столько крови! Пошли к врачу, или я сам приволоку его сюда!

Шэнь Нянь привык решать проблемы сам и не любил никого обременять, поэтому поднялся и пошел за Лян Цю на медпост. Ноги тоже затекли и норовили подогнуться, но он стерпел.

Рана на ладони выглядела жутко из-за белизны кожи Шэнь Няня. Пока медсестра вымывала грязь и песок из раны, он даже не вздрогнул, будто обработка касалась чужого тела.

Когда медсестра закончила, Лян Цю вежливо попросил:

— Сестричка, посмотри ещё его ногу. Кажется, он и её сшиб.

Шэнь Нянь удивленно взглянул на друга. Лян Цю, не говоря ни слова, задрал его штанину —

колени было сильно разбито, хотя и без открытого кровотечения. Медсестра посоветовала просто помазать дома согревающей растиркой.

— Ты думал, я не замечу, как ты хромаешь? — ухмыльнулся Лян Цю, опустив штанину. — Сколько лет мы знакомы? Если бы я таких вещей не замечал, какой из меня брат?

Шэнь Нянь лишь тепло улыбнулся.

Вернувшись, они встретили Тётушку Су. Убедившись, что у Шэнь Няня нет переломов, она вздохнула с облегчением.

— Тётушка Су, спасибо вам огромное, — сказал Шэнь Нянь. — Как отец вернётся, я сразу отдам вам деньги.

— Да что ты такое говоришь! Ты мне как родной. Оставь эти разговоры. Сегодня ты тоже перепугался. Как убедимся, что с этим парнем всё в порядке, иди с Сяо Цю домой, отдохните. А я тут посижу.

— Я в порядке, — ответил Шэнь Нянь. — Мы и так вас замучили.

Гу Чжи перевели из процедурной. Он уже очнулся. На лбу красовалась повязка с проступившим пятном крови, левая рука была в гипсе. Врач диагностировал легкое сотрясение и перелом — требовалась госпитализация на пару дней.

Оставить Гу Чжи Шэнь Нянь не мог. Ухаживать за ним из нежных чувств он не собирался, но и взваливать это на Тётушку Су ему не позволяла совесть. Лян Цю знал его упрямый характер, поэтому принял его сторону и уговорил мать идти домой, заставив Шэнь Няня взять его телефон на случай экстренной связи.

— Спасибо, — принял помощь Шэнь Нянь.

Проводив их, он вернулся в палату. Она была рассчитана на четверых. Помимо Гу Чжи, там лежали взрослый мужчина и пожилой дедушка, слушавший по радио традиционную оперу.

Шэнь Нянь подошёл к койке Гу Чжи. Тот лежал, глядя в окно.

— Ты сделал это специально?

Этот вопрос бился в его голове с того самого момента, как спал первый шок. Совпадение казалось слишком нереальным. Но способен ли двенадцатилетний мальчишка зайти так далеко, рискуя собственной жизнью?

Гу Чжи медленно повернулся, на его губах заиграла довольная улыбка:

— Догадался? Ну да, я сдела...

Договорить он не успел.

Шэнь Нянь с размаху влепил ему звонкую, хлесткую пощечину.

Звук удара разорвал тишину палаты. Старик отвлекся от оперы и что-то проворчал, но Шэнь Нянь даже не повернулся. Он смотрел на Гу Чжи ледяным взглядом.

— Хочешь сдохнуть — делай это без меня.

Шэнь Нянь никогда не позволял себе подобной вспышки. Даже когда его обижали, он сносил всё молча. Но безумие Гу Чжи перешло все границы. От силы удара перебинтованная правая рука Шэнь Няня снова просочилась кровью, бинт окрасился алым, а пальцы мелко дрожали, но он не чувствовал боли.

Гу Чжи замлел от неожиданности. Из-за сотрясения голова пошла кругом, нахлынула тошнота, но в его глазах не было ни капли злобы. Он посмотрел на Шэнь Няня и улыбнулся ещё шире:

— Значит, уходить на тот свет ты не хочешь? А я-то думал, с такой жизнью тебе и жить не мило.

— Гу Чжи, — чеканя каждое слово, произнес Шэнь Нянь. — Всё, что тебе нужно от этой жизни, забирай сам. Я с тобой ни за что воевать не стану. Но свои безумные игры ко мне не подтягивай. Мне это неинтересно.

— Брат Няньнянь... — протянул Гу Чжи, разглядывая его с болезненным восхищением. — А ведь когда ты злишься, ты куда красивее, чем обычно.

Уголки глаз Шэнь Няня покраснели от кипевшей внутри ярости. Живой, пылающий гневом, он сейчас разительно отличался от своего привычного равнодушно-омертвелою состояния.

И Гу Чжи не врал. Он правда находил его прекрасным.